№ 60 DIELO TROUDA-PROBUZHDENIE Цена 25 сентов

ДЕЛО ТРУДА
ПРОБУЖДЕНИЕ

ОРГАН ОБЪЕДИНЕННОЙ ФЕДЕРАЦИИ
РУССКИХ РАБОЧИХ ОРГАНИЗАЦИЙ США И КАНАДЫ

ДЕКАБРЬ 1959 г.	DIELO TROUDA-PROBUZHDENIE P. O. Box 54, Cooper Station New York 3, N. Y.	35-й год издания

АНАРХИЗМ--ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ИДЕАЛ

Общечеловеческим идеалом может быть только тот идеал, в основе которого лежит человек. Не партия и даже не класс, а именно человек.

Таким идеалом является анархизм, для которого нет ни эллина, ни иудея, для которого все люди — люди.

Но что такое "все люди — люди"?

Определение это можно рассматривать с двух точек зрения: с биологической и с моральной. С биологической точки зрения нет никакой разницы между королем и нищим, между палачем и иноком. Телосложение у них одинаковое и отправные функции всех органов тела тоже одинаковые. На этой точке зрения стоит медицина, согласно которой лечить всех нужно одним и тем же способом, одними и теми же средствами. (В действительности это, однако, не всегда соблюдается. В действительности часто бывает так: у кого толще кошелек или же выше авторитет, тот и лечение получает лучшее.)

С моральной точки зрения человеком может быть тот человек, который живет по-человечески, — сам никому не причиняет вреда и не терпит вреда, творимого другими. На этой точке зрения стоит анархизм.

Эти две точки зрения часто смешиваются, вследствие чего анархистам иногда ставят незаслуженный упрек, обвиняя их в том, что они, отрицая деление общества на группы и классы, тем самым якобы признают существующий ныне буржуазный строй. Существующий буржуазный строй с моральной точки зрения не имеет никакого оправдания, поэтому анархисты не могут его признать, и если они не проводят борозд на социальной ниве, то исключительно по тем соображениям, что всякое деление общества — вертикальное или горизонтальное — неизбежно ведет к неравенству, а где неравенство — там и все остальные, социальные язвы. Вот почему анархисты против социальных перегородок и этажей. Один этаж для всех!

Моральное определение человека, как видно, исходит всецело из его поступков. Если поступки человека хороши, если человек живет так, как и полагается жить человеку, то такой человек—анархист, даже если он себя таковым и не называет. Поэтому надо согласиться, что анархистов фактически гораздо больше, чем это кажется. Всякий хороший человек — а таких есть много — анархист. Он, быть может, даже не знает, что такое анархизм, но он — анархист. Мать, выращивающая и воспи-

тывающая своих детей, в сущности действует по-анархически. Ни одна мать не учит своих детей чему-либо плохому. Каждая мать учит своих детей только хорошему. Каждой матери хочется, чтобы ее дети пользовались наилучшей репутацией. Стремление же к хорошему и есть анархизм. Хорошее и анархизим, — параллели.

Возникает вопрос: если анархизм — благо и добро, то почему он в представлении некоторых людей сочетается с ужасом, произволом и дикостью? Ведь совсем еще недавно анархистов иначе не изображали, как в виде бородатых чудовищ, обвешанных бомбами и кинжалами... Да и теперь не в особенно-то привлекательном виде их изображают...

Чтобы ответить на вышепоставленный вопрос, нужно прежде всего обратить внимание на то, как глубоко вкоренились в народном понимании ложные понятия и толкования. Вот, к примеру, псалтирь... Книга эта, как известно, считается святой, а между тем на некоторых ее страницах говорится такое, чего и в уголовных романах не всегда можно найти. Вот, например, псалом 17-й. Стих пятый (и следующие) гласит: "Объяли меня муки смертные, и потоки беззакония устрашили меня. Цепи ада облегли меня, и сети смерти опутали меня. В тесноте моей я призвал Господа и к Богу моему воззвал. И Он услышал от чертога Своего голос мой, и вопль мой дошел до слуха Его. Потряслась и поколебалась земля, дрогнули и задвигались основания гор, ибо разгневался Бог. Поднялся дым от гнева Его и из уст Его огонь поядающий; горячие угли сыпались от Него... Пустил стрелы Свои и рассеял их, множество молний, и рассыпал их."

Разве это не похоже на современную атомную бомбу? Разгневавшийся Бог по просьбе псалмопевца сжигает все, что есть на земле...

А вот стих 33 и следующие: "Бог препоясывает меня силою и устрояет мне верный путь. Делает ноги мои, как оленьи, и на высотах моих поставляет меня. Научает руки мои брани, и мышцы мои сокрушают медный лук. Ты дал мене щит спасения Твоего, и десница Твоя поддерживает меня, и милость Твоя возвеличивает меня. Ты расширяешь шаг мой подо мною, и не колеблются ноги мои. Я преследую врагов моих и настигаю их, и не возращаюсь, доколе не истреблю их. Поражаю их, и они не могут встать; падают под ноги мои. Ибо Ты препоясал меня силою для войны и низложил под ноги восставших на меня. Ты обратил ко мне тыл врагов моих, и я истребляю ненавидящих меня. Они вопиют, но нет спасения; ко Господу, — но Он не внемлет им. Я рассеиваю их, как прах пред лицем ветра, как уличную грязь попираю их."

Приблизительно в таком духе написаны и некоторые другие псалмы. Псалмопевец все время с кем-то борется. То его побеждают, то он кого-то преследует. Когда его бьют — он чувствует боль и со слезами на глазах взывает к Богу о заступничестве. А когда он бьет — забывает, что другим тоже больно и истребляет своих соперников беспощадно. Даже тогда, когда они уже побеждены, когда обезоружены и лежат у его ног, — даже тогда он, подобно гоголевским запорожцам, рубит их в капусту. Правило, глясящее, что лежачего не бьют, повидимому, псалмопевцу неизвестно. Давид несколько раз упоминает о наслаждении бродить (почему то вместе с собаками) в лужах крови своих противников и называет блаженным того, кто размозжит головы младенцев, родите-

АНАРХИЗМ МНОГОГРАНЕН... Его можно уподобить радуге, состоящей из разных цветов, но не распадающейся на эти составные цвета. И как радугу нельзя изобразить одним цветом, так нельзя иметь точного облика анархизма, находясь в пределах лишь одного из его толкований. Для полноты, ясности и точности картины анархического жизнеустройства — требуется хотя бы беглое знакомство со всеми ответвлениями анархизма. Исходя из этих соображений, на страницах "Дело Труда-Пробуждение" иногда появляются статьи, с содержанием которых редакция не вполне согласна. Цель печатания таких статей — подчеркнуть всю глубину и широту анархического мировоззрения.

ли которых по тем или иным соображениям не соглашаются с Давидом.

И вот, если эта книга, пропитанная кровью не только взрослых, но и ни в чем неповинных детей, считается святой, то стоит-ли удивляться, что анархизм, имеющий в своей основе братское сожительство людей, сочетается в представлении некоторых с жестокостью и ужасом? Ложное толкование, как бы абсурдно оно ни было, все же, если его твердить изо-дня в день, оставит какой-то след. Особенно, если его произносят стояще "выше." Здесь уместно привести один анекдот из дореволюционного быта полесских крестьян. Было начало весны. В воскресенье под вечер на освободившемся уже от весенней грязи возвышенном месте, против хаты старшины, собрались крестьяне для того, чтобы почесать языками. Речь держал бедняк Антон Горемыка (назовем его так). Он рассказывал о том, что зимою мыши все зерно у него съели. Прогрызли дырочку в деревянной бочке и зерно — поминай как звали. Один из деревенских главарей (в деревне всегда были свои главари), выслушав рассказ Антона, сначала сплюнул, а потом, обратясь к стоявшим, изрек: "И вы верите ему? Какие там мыши, какое там зерно у него могло быть?" Собравшиеся согласились с главарем, — не поверили Антону Горемыке. В это время к собравшимся важно подошел старшина и, узнав о чем идет речь, заявил: "А вот у меня не только зерно, но и 'сушники' (лемехи) мыши съели." Тот самый главарь, который скептически отнесся к словам Антона Горемыки, немедленно же поддакнул: "Мае буты, старшино." Это "мае бути, старшино" в свое время ходило по всем полесским деревням. Это означает, что если бедняк и правду говорит, то ему не верят, а если лицо, облаченное тем или иным авторитетом, изречет заведомую чушь, то ему поверят. Вот так и с ложными толкованиями анархизма: раз так говорят с амвона, на страницах "большой" печати и в среде "блюстителей порядка" — значит, так и должно быть.

Ложные толкования, конечно, сами по себе не возникают, а создаются теми, кому они нужны и выгодны. А нужны они и выгодны тем, кто тем или иным путем добрался до общественного пирога. Люди эти живут очень хорошо и, само собой понятно, пуще всего боятся критики. А так как критика анархистов весьма меткая и так как анархисты не останавливаются на полпути, а требуют полного устранения несправедливости, то само собой понятно, почему их, анархистов, выставляют разные борзописцы в самом непривлекательном виде. Уголовщина — самое непопулярное и самое страшное социальное явление. Ее то и приписывают главным образом анархистам. Поводом для этого служит то, что анархисты не отрицают насилия. Логика тут как будто бы есть, но логика эта лишь кажущаяся. Насилие ведь признается почти всеми политическими течениями. Многие его применяли даже больше и чаще, чем анархисты. Однако, их не считают бандитами. Следовально, нет никакого основания и анархистов считать бандитами.

К числу ложных толкований следует отнести и критику анархистов на основании аналогии. Указывают, например, что большевики, пока не находились у власти, тоже обещали златые горы, а когда очутились у власти — всех скрутили в бараний рог. То же самое, дескать, повторится и анархистами...

Здесь кроется, если не ошибка, то большое недоразумение. Сравнивать анархистов с большевиками никак нельзя. Большевики — государственники, а анархисты — антигосударственники. Их цели — противоположные. Большевики стремятся к захвату государственного аппарата, а анархисты — к уничтожению этого аппарата. Захватив в свои руки государственный аппарат, большевики уже в силу этого становятся угнетателями и тиранами. Кто держит в своих руках государственный аппарат, тот неизбежно возвышается над общим уровнем населения и сверху давить на низшие слои. Давление может быть разное — то более чувствительное, то менее чувствительное — но оно всегда есть.

Анархисты же раз и навсегда кончая с государственным аппаратом, тем самым устраняют возможность возвышения какой-либо группы или же партии над общим уровнем населения. В бесклассовом и безгосударственном обществе не может быть предпосылок для неравенства. Нера-

венство, как известно, создается, во-первых, неравномерным распределением материальных благ, а, во-вторых, таким же неравномерным распределением юридических прав. В анархическом обществе то и другое исключается. В анархическом обществе не будет ни частной собственности, ни аппарата власти, вследствие чего никто не сможет стать ни богаче, ни беднее, ни полноправнее, ни бесправнее. Все будут одинаковые. Именно в с е. И называющие себя анархистами, и не называющие — будут располагать одинаковыми правами и возможностями. Никаких привилегий ни у кого не будет. Никто не сможет стать ни министром, ни губернатором, ни прокурором, ни палачем, ни миллионером, ни владельцем огромных угодий. А раз не будет этих "больших," то стало быть, не будет и "малых." Полное равенство в возможностях и правах. Даже те, кто по тем или иным причинам будут отрицательно относиться к анархистам, — даже они будут пользоваться одинаковыми правами. Анархисты, не в пример псалмопевцу, лежачего не бьют. Анархисты ведут борьбу лишь тогда, когда борьба находится в актуальной стадии, т. е. пока противник вооружен и имеет возможность сопротивляться, когда же он побежден и обезоружен, тогда анархисты прекращают борьбу. Короче говоря: анархисты признают б о р ь б у, но не признают м е-с-т-и. Это очень важно и это всегда следует иметь в виду, ибо именно на этом часто возникают страшные трагедии. Ужасна ведь не борьба сама по себе, когда обе стороны, одинаково вооруженные, ведут поединок, ужасна месть, когда одна сторона уже совсем обезоружена, беспомощна и бессильна, а другая все еще располагает силой. Именно здесь большевики и оскандалились. Вызвали они к себе отвращение не тогда, когда они вели актуальную борьбу, а тогда, когда начали истреблять совершенно беспомощных людей, т. е. когда начали мстить. Месть — явление совершенно дикое. Борьба тоже имеет немало дикого, но все же там есть и рыцарские начала, ибо борущийся может стать не только победителем, но и побежденным. Иначе говоря, борьба сопряжена с известной долей риска, месть же с риском не связана. Мстящий мстит просто потому, что он—зверь, а не потому, что ему что-то угрожает. Анархисты не хотят быть зверями, хотя многие именно это им старательно и приписывают. Анархисты хотят быть людьми и хотят, чтобы другие тоже были людьми, независимо от того, как они себя называт. Если человек прежде всего будет ч е л о в е к о м, то потом уже неважно какого "иста" он на себя наклеит. Он может назвать себя даже сатаною, при одном, однако, условии: не делай другим того, чего не желаешь, чтобы другие тебе делали. Это условие — альфа и омега, а название никакой роли не играет.

Как же, однако, быть в случае контр-революции? Нет сомнений, что этот вопрос и большевики, и другие сторонники мести и террора, с особым злорадством зададут анархистам. Так как анархисты актуальной борьбы не отрицают, то само собой понятно, что с контр-революцией они будут бороться. Но... при полном торжестве анархизма контр-революция невозможна, ибо не будет никакого огнестрельного оружия. Уничтожив государственный аппарат, всегда поддерживающийся войском и полицией, и стерев границы, делящие общество на государства, — людям не понадобится никакое огнестрельное оружие. Поэтому они в первую очередь превратят фабрики, занимающиеся производством оружия, в фабрики по производству вещей домашнего потребления. Без оружия же даже сам дьявол контр-революции не устроит. Если же, паче чаяний, и появится что-то похожее на контр-революцию, то оно будет носить чисто местный характер и никак не дойдет до огромных размеров. С таким восстанием население без особого труда справится.

Нужно также иметь в виду, что контр-революцией иногда называется обычный ответ на террор. В России, например, контр-революцией можно было бы назвать такое восстание, на знаменах которого было бы начертано: восстановление монархии, возврат помещикам их бывших владений, а фабрикантам — их бывших фабрик. Такое восстание, если бы оно и вспыхнуло, несомненно, никакой поддержкой среди населения не пользовалось бы и более, чем вероятно, что оно было бы обречено на неудачу. Иное дело, если бы возникло восстание, направленное против

большевистского террора. Такое восстание, несомненно, было бы поддержано населением, но большевики его, конечно, окрестили бы контр-революцией. Последнего типа восстание в анархическом обществе невозможно, ибо там не будет никакого террора. В анархическом обществе возможно лишь первого типа восстание, т. е. попытка некоторых лиц вернуть свои бывшие привилегии, но такое восстание, повторяем, заранее обречено на неудачу, ибо население его не поддержит. Никто не будет заинтересован в том, чтобы бывшему министру вернули его министерский портфель, а бывшему фабриканту — его фабрику. Да и к чему восставать, если каждому будет гарантирована свободная жизнь? Ни бывших министров, ни бывших фабрикантов анархисты не станут уничтожать после того, как эти паразиты перестанут быть паразитами, а начнут жить так, как и полагается человеку жить. Разные авнатюристы, понятно, всегда возможны, но, повторяем, они не опасны, ибо население легко поставит их в надлежащее место. Недовольным скажут: не нравится вам жить так, как мы живем — живите как хотите, мы вас не тронем, но и вы нас не трогайте. Коротко и просто!

Итак, анархизм — общечеловеческий идеал. У него нет "своих" и "чужих." У него все — люди. Называют они себя анархистами или нет — вопрос второстепенный. Важно, чтобы они жили как люди, — никому не причиняли вреда и не терпели вреда, творимого другими. Стремятся анархисты не к тому, чтобы поставить "своих" в особое привилегированное положение (как это делают большевики и другие политические партии), а к тому, чтобы все были равные и свободные.

М. Голубович

ПРЕСЛЕДОВАНИЯ РУССКИХ РАДИКАЛОВ

(Глава из неизданной книги)

ОТ РЕД.: Эту небольшую главу из неизданной книги покойного т. Липоткина мы помещаем по двум соображениям: во-первых, чтобы отметить 40-ю годовщину палмеровских погромов (1919-1959) и, во-вторых, чтобы еще раз обратить внимание на один весьма значительный пробел в нашем движении, — на отсутствие правдивой истории русского анархического движения в Америке. Книга т. Липоткина до известной степени пополняет этот пробел, но, увы, при создавшихся условиях ее едва-ли можно издать. И будущему историку, если он коснется этого вопроса, придется пользоваться отрывочными сведениями и газетными вырезками.

Репрессии против русских радикалов со стороны американского правительства начались в марте 1918 года. Русская революция, вызвавшая страх в буржуазном лагере; энтузиазм среди русских рабочих в Америке, выливавшийся иногда в уличные демонстрации и парады; быстро появлявшиеся и успешно развивавшиеся радикальные печатные органы, например, "Хлеб и Воля," "Рабочий и Крестьянин" и другие; наконец, Народный Дом на 15 улице в Нью Иорке, служивший своего рода анархической биржей, — все это не могло оставаться незамеченным. Подогревались репрессии также тем фактом, что во главе министерства юстиции стоял честолюбивый человек — К. Палмер, мечтавший путем пресечения мнимой опасности стать героем дня.

Свои первые действия Палмер направил против рабочих и служащих русских пароходов, оказавшихся в американских портах. Как известно, среди русских моряков были попытки "продолжения" революции, т.е. установления на пароходах, на которых они работали таких же порядков, какие были введены в России. К числу таких пароходов принадлежали — "Тула" и "Омск" — оба стоявшие в американских портах. Команде этих пароходов Палмер предписал: немедленно оставить Соединенные Штаты и отправиться во-свояси. После того как "опасных" пароходов больше в американских портах не оказалось, Палмер сосредоточил все свое внимание на русских организациях, преимущественно на Союзах Русских Рабочих, как наиболее известных и наиболее популярных объединениях в то время.

Как и следовало ожидать, "тяжелая ар-

тиллерия" Палмера была направлена на Народный Дом в Нью Иорке, служивший центром всей деятельности Союзов Русских Рабочих. В Доме помещался секретариат федерации, там же находились редакции двух печатных органов, архивы, школа, библиотека и др. учреждения. Следует, впрочем, отметить, что на Народный Дом был произведен не один, а несколько набегов. Первый произошел 12 марта 1919 года. Было арестовано около 200 человек. Арестованных продержали ночь в тюрьме, а на другой день освободили (за исключением пяти человек) с наказом больше не появляться в Народном Доме. Второй набег произошел 1-го мая того же года. На этот раз налетчики почему то нарядились в солдатскую и матросскую форму. Почти вся мебель была поломана, книги и журналы изорваны, но арестов на этот раз не было. Третий набег состоялся 7-го ноября 1919 года. По своей свирепости этот набег далеко превзошел первые два. Не только вся мебель, но даже стекла в окнах и в дверях были выбиты. Арестовывали не только тех, кто оказался в помещении, но и тех, кто проходил мимо здания. Появившиеся на другой день во многих газетах фотографические снимки лучше всего свидетельствовали о зверствах налетчиков. На снимках этих были показаны кучи бумаги (разорванные книги), обломки стульев, столов, шкафов и окровавленные лица людей. Даже наборщики были избиты...

Избиения применялись и во время допросов. Так как в числе арестованных оказалось много посторонних лиц, случайно очутившихся на месте облавы, то они, конечно, отрицали свое причастие к Союзам Русских Рабочих, за что награждались пинками и зуботычинами. Этим же награждались и члены СРР если они отвечали не так, как хотелось допрашиваемым. В Питтсбурге дошло даже до трагического случая: один из арестованных (Андрущак) не выдержал пыток и умер в тюрьме. День похорон умершего вылился в настоящую манифестацию и протест против полицейских расправ. У гроба покойного произносили речи не только его единомышленники, но и лица других убеждений. И все они осуждали действия властей. (Следует, впрочем, отметить, что случай с Андрущаком имел место за несколько месяцев до всеобщих палмеровских погромов. Это было, так сказать, преддверие к массовым погромам.) Да и что говорить о "лицах других убеждений": даже лица, повидимому, без всяких убеждений — обыкновенные сторонники буржуазного строя — осуждали действия полиции. Вот как, например, выразился судья Томсон (в Питтсбурге), которому приходилось разбирать дела арестованных:

> "Учиненные полицией безобразия кипятят во мне кровь. Приемы департамента юстиции создают настоящую анархию. Положение арестованных ужасное. Я никак не могу допустить, чтобы такие безобразия происходили в стране, гордящейся своей демократией и конституцией."

К сожалению, они происходили... Арестам, избиениям и высылке из страны подверглись не только люди, имевшие известные политические взгляды, но и те, кто вел чисто культурную работу. Типичный случай разгрома культурной организации имел место в Бостоне. Там с 1915 г. существовало "Общество Взаимопомощи Русских Рабочих," помогавшее своим членам в случае финансовых затруднений и ведшее культурную работу путем устройства лекций, оборудования библиотеки и т. д. Общество было взято на "подозрение" и разгромлено в "Варфоломеевскую ночь." Правда, арестованные потом были освобождены, но тем не менее это является хорошим показателем того, как широко размахнулись палмеровские молодцы.

Как всегда бывает в подобных случаях, палмеровские погромы вызвали двоякую реакцию: с одной стороны, их осуждали не только прогрессивные элементы, но и лица, чуждые какого бы то ни было прогресса, о чем свидетельствуют вышеприведенные слова судьи Тамсона, а с другой стороны — их одобряли. Последнее приводило к тому, что на всех русских начинали смотреть с подозрением. Были случаи увольнения с работы только на том основании, что увольняемые — русские. Были также случаи отказа русским в сдаче квартиры. Вообще, называть себя в то время русским — было сопряжено с известной долей риска.

Не обошлось, конечно, и без Иуд-Предателей. В штате Охайо подвизался некто Даниил Куц. Свою предательскую дея-

тельность он начал еще в 1917 году, когда были арестованы по его донесениям в Акроне 5 членов Союза Русских Рабочих. В 1919 году по донесениям того же Куца в Юнгстоне был арестован весь членский состав Союза Русских Рабочих (в количестве 118 человек). Были провокаторы и в других городах. Так уж водится: где есть Спаситель, там окажется и Иуда.

За сравнительно короткое время палмеровскими молодцами было арестовано свыше 6000 русских рабочих, никогда, вероятно, и не подозревавших, что они — такая грозная сила, перед которой даже в Вашингтоне трепещут. (Палмеровские погромы, как известно, проводились на том основании, что стране угрожает опасность.) Некоторых из арестованных потом освободили, а многих депортировали в Россию. (Депортация, повидимому, приняла бы более широкие размеры, если бы большевики не захлопнули дверей. Сначала депортируемых встречали с музыкой а потом наотрез отказались впускать в страну.) Депортация, впрочем, тогда для депортируемых не казалась мерой наказания. Многие на это смотрели даже как на какое-то облегчение и охотно покидали берега негостеприимной Америки. Об этом свидетельствует "Прощальное письмо" одной из депортированных групп (письмо датировано 26 февраля 1921 года), которое мы ниже приводим.

"Несколько лет тому назад мы, русские рабочие, гонимые нуждой и преследованиями в России, прибыли в Соединенные Штаты Америки в надежде, что эта страна послужит нам местом убежища и местом для лучшей жизни. Но все, что мы нашли по прибытии сюда, это — "право" трудиться по 10-12 часов в день за плату, едва достаточную на поддержания жизни. Пока мы оставались послушными рабами, принимали все, что нам давали и были благодарны — наши 'попечители' были спокойны и не помышляли о высылке из страны. Но почему же нас депортируют теперь? Разве мы не хотим больше работать на американских капиталистов? Нет, не в этом причина. Причина — революция в России. Пробужденные смелостью наших угнетенных братьев в деле свержения царизма, мы, русские рабочие в Соединенных Штатах и Канаде, зашевелились и начали сильно интересоваться происшедшей русской революцией. Мы стали прислушиваться к правдивому слову анархистов, устно и печатно пояснявших многие непонятные вопросы и явления. Мы начали читать арнахическую литературу и знакомиться с идеями и стремлениями анархистов, и глаза наши открылись. Мы поняли не только то, что случилось в России, что происходит в других странах, но и то, почему мы живем в нищете и нужде в богатой Америке. Мы поняли, что для того, чтобы добиться лучших условий жизни, мы должны быть организованы и должны быть солидарни с такими же как мы угнетенными во всех странах. Нам стало ясно, что нашими главными врагами явняются капиталисты и власть имеющие и что против них мы должны вести борьбу за свободу и за лучшую жизнь. За это американское правительство начало преследовать нас: арестовывать, избивать и депортировать в Россию. Правительство ничего не имело против нас, пока мы не думали о борьбе с капиталистической эксплоатацией и пока мы не помышляли о поддержке нашей родине — революционной России. Мы знаем, что бессознательных рабочих, продолжающих быть покорными рабами, американское правительство не преследует. Оно радо таким рабам. Но нас, сознательных рабочих, стремящихся к лучшей и свободной жизни, оно высылает из страны, как нежелательных. Нас оно, конечно, может выслать, но наших идей не может депортировать. Величайшим счастьем для нас будет тот момент, когда мы узнаем, что американские рабочие восстали в борьбе за освобождение угнетенных и эксплоатируемых. Пусть же наступление революции в Америке будет нашим последним пожеланием."

Как видно из письма, его авторы осуждали лишь американские порядки, но не порядки той страны, в которую их депортировали. По прибитии в Россию вскоре они разочаровались. Не нашли они там того, о чем мечтали... Но это уже другой вопрос. В общем же, авторы письма правы в своем утверждении, что несознательных и покорных рабочих нигде не преследуют, а сознательных и требовательных везде гонят и бьют. Пострадали русские рабочие в Америке за пробудившееся в них сознание. И этот момент, т. е. преследование сознательных рабочих, войдет в американскую историю в виде ничем несмываемого пятна.

Л. Липоткин

Вместе с Бакуниным и Толстым, Кропоткин образует троицу, которую Россия дала миру до своей революции для его освободительного движения. Вдохновляясь примером и учением этих трех необыкновенных людей, мы должны без колебания идти на завоевание свободы.

Бакунин был Действием, Кропоткин — Знанием и Толстой — Добром. Разве нельзя с этими силами построить мир?

Жорж Ивто

ШКОЛА И ГОСУДАРСТВО

Мы переживаем тяжелую эпоху засилья государственной власти над личным почином и личной индивидуальностью человека. Гнет власти сказывается во всем. Хуже всего то, что все свои поступки власть замаскировывает под видом желания народных масс и якобы для их блага, чем и вводит в заблуждение тысячи невежественных, в своей слепой доверчивости, людей. В доказательство, в оправдание своих декретов она приводит и публикует в прессе десятки корреспонденций, являющихся в действительности плодом постановлений партийных организаций и выдаваемых за резолюции, якобы вынесенные различными рабочими группами, поддерживающими начинание власти и одобряющими ее твердую государственную линию. Какова эта твердая линия, мы уже знаем, она выразилась в виде жесточайшей эксплоатации, попраний самых элементарных прав, духовном и материальном закабалении, государством — хозяином широких трудовых слоев населения, во имя устаревших и негодных партийных доктрин.

В таком важном вопросе, как школа власть тоже проявила свою государственную линию. Я не буду касаться тех реформ, которые она намерена была когда то произвести в области народного просвещения, не буду вдаваться в их критику; я коснусь только вопроса воспитания в рядовых школах, являющихся фундаментом и основой всего общеобразовательного строительства.

Если школа старого, царского, до-революционного времени, своей постановкой преподавания, своим методом воспитания калечила детей и умышленно затрудняла их дальнейшее развитие, выставляя на пути юношества различные рогатки и преграды, то то же самое приходится сказать о школьном воспитании в наше время, в "социалистическом" государстве. Казалось бы, что после октября, наоборот все должно было резко измениться, что вся та нездоровая атмосфера, которой была окутана школа должна теперь в вихре революций рассеяться и перед школой открыться широчайшие возможности. Так думалось, но не то случилось в действительности.

Всякая партия, стремящаяся произвести политический переворот, щедра на посулы, но скупа для расплаты, ибо всякая партия жаждет власти, а власть, как общее правило, удивительно быстро забывает своих должников, хотя более неугомонных и свободолюбивых из них, пожалуй, не прочь наградить и... царствием небесным.

"Социалистическая власть," как всякая другая, стремится прежде всего распространить на всех свою волю и таким образом иметь в своих руках все лучшие козыри. Неудивительно, что школа, этот проводник культуры, осталась в тех же рамках государственной зависимости.

Отделив школу от церкви и избавившись, таким образом, от своего старинного соперника, государство вполне завладело школой, оставив ее все в том же положении — института порабощения. Та же система преподавания, основанная и расчитанная на действие среди воспитанников страха перед наказанием, та же скудость преподаваемых предметов по узко-партийной программе и по учебникам соответствующего типа. Если это не так заметно в области так называемых точных наук, то особенно явственно выступает в науках общественно-социальних, благодаря которым собственно, и определяется среди учащихся будущее миросозерцание на жизнь. Насыщая воздух партийными терминами, вводя и организовывая партийные союзы молодежи, подводя все и всех под свою рубрику, действуя на впечатлительную психику ребенка, применяя все возможные и разрешаемые их законом меры — власть и правящая партия стремятся выпустить из школы юношу с вполне сложившейся определенной, партийно-политической физиономией, что в большинстве случаев им и удается, ибо характер будущей личности складывается под влиянием окружающей ее среды.

Педагогический состав в своем большинстве еще старый, быть может и не совсем плохой, но проникнутый старой чиновничьей идеологией, быстро приспособившийся к новой форме государственности, которая, как уже говорилось выше, немногим отличается от прежней. Другая

же—лучшая—часть учительства вынуждена, в силу тех или иных бытовых условий, главным образом, в силу нажима со стороны власти, стать на ту точку зрения, которую проводят в школах государственные учреждения. Ясно, что при таком положении школа становится казармой, воспитывающей молодое поколение в духе преданности и почтения к существующему государственному строю; она служит делу казенной пропаганды и агитации, являясь проводником партийных идей в гуще народных масс.

Вопрос о школе — больной, животрепещий вопрос. Дело народного просвещения должно быть поднято на высоту недосягаемую для государства!

Довольно векового порабощения! Довольно и того, что школа искалечила наше поколение, отравив его ядом сомнения, наделив религиозностью и шовинизмом; наложила на него свою "Каинову печать." Школа ждет своих пионеров, своих реформаторов, которые реорганизуют ее на новых свободных началах!

Скромный размер данной статьи не позволяет указать на те особенности, которыми будет характеризоваться будущая школа. Скажем лишь, что воспитание в ней будет вестись в тесном сочетании с трудовыми процессами и личным почином, в духе современного знания — свободного, от вмешательств, как государства, так церкви и партийных внушений.

Пока школа не будет вырвана из под опеки власти, до тех пор она будет орудием обезличивания и духовного убийства молодежи, ибо только в условиях вне-государственного строительства школа сможет осуществить свои великие задачи — воспитания будущего человечества.

К. В. Говар

Индивидуализм и массы

Временами, когда моя мятущаяся душа бывает глубоко потрясена конфликтом противоположных чувств, я спрашиваю самого себя: должен ли я допустить, чтобы мое Я стало рабом безразличия и апатии и сделалось простым прислужником масс? Или я должен пресмыкаться, лгать и итти на компромисс, чтобы наполнить свой желудок и прикрыть жалкую наготу свою? Первая мысль унизительна, вторая возмущает.

Что делать, чтобы избавиться от гнетущего меня кошмара? Хватит ли у меня сил, чтобы преодолеть препятствия на пути моих светлых грез о свободе, и в то-же время избежать проклятия со стороны системы лжи и обмана?

Мне кажется что это возможно. Но моя личная свобода, в конце концов, так тесно связана со свободой масс, что только благодаря им я могу добиться своего собственного морального и материального освобождения. Таким образом, примыкая к массам, я имею в виду не разделять их рабство, а побуждать их к сопротивлению, чтобы и я и они могли добиться свободы.

В настоящее время мы живем в таком обществе, где люди разных характеров и миросозерцаний противоестественно вынуждены войти в одну организацию. В будущем же люди будут свободно объединяться, влекомые естественными законами и подбором, организовываться согласно своим чувствам и следуя побуждениям инстинкта.

Жизнь будет полна неисчислимых радостей.

Природа в ея разнообразных проявлениях обнаруживает свободное стремление атома к атому, молекулы к молекуле. Точно таким же образом обретет свободу и тело, образованное из них. Клеточка, представляющая разнородное тело, развивается гармонически и содержит сложную энергию, необходимую для роста ее разнообразных органов. Точно таким же образом все, что мы можем наблюдать, — есть свободное содружество безчисленных атомов, гармонически изменяющихся до безконечности.

Вывод таков: Если мы хотим сделать что-нибудь полезное, не погружаясь в академические дискуссии, которые только могут задерживать развитие нашего Я, мы должны примкнуть ко всем униженным и стремиться к уничтожению теперешнего общества для создания нового, лучшего.

Ни один рассудительный человек, сознающий свое достоинство, не может сомневаться в выборе. Сама жизнь побуждает его стать защитником слабого против сильного.

А. Абруцци

ПРИЗЫВ И ПРОСЬБА

(Поэма в прозе)

Свобода! В первый раз я призываю твое имя в этой борьбе: встань же на защиту своего дела и завершии свою победу.

Наступил конец древней цивилизации, земля должна обновиться под лучами солнца. Пусть пройдет одно поколение, пусть умрут в пустыне старые грешники; их кости не будут покоиться в святой земле.

Юноша, вас возмущает испорченность нашего недостойного века, в вас горит пламя справедливости; если вам дорога родина, если вас воодушевляет благо человечества, дерзайте же и возьмитесь за дело свободы.

Сбросьте свой отживший эгоизм, погрузитесь в народную волну зарождающегося равенства; душа ваша воспрянет здесь к новой жизни, почерпнет неслыханные силы; ваш ослабевший дух снова найдет свою неукротимую энергию, ваше сердце, быть может, уже помятое жизнью, снова расцветет цветом молодости.

Все изменится в ваших просветленных глазах; новые чувства вызовут в вас новые идеи; религия, мораль, поэзия, искусство, язык явится вам в другом, более величественном и красивом виде.

И твердый в своей новой вере, энтузиаст, но не слепой, а разсуждающий энтузиаст, вы будете приветствовать зарю всеобщего возрождения.

А вы, печальные жертвы возмутительного законодательства, вы, которых злой свет грабит и оскорбляет, вы, чей труд всегда был бесплодным, а отдых безнадежным, — утешьтесь, ваши слезы сочтены. Отцы сеяли в горе и печали, сыновья пожнут в радости и счастьи.

О Бог свободы! Бог равенства! Бог, вложивший в мое сердце чувство справедливости, которое жило в нем уже до того времени, как я понял его разумом, — услышь мою горячую мольбу! Ты внушил мне все то, что я написал...

Ты направил мою мысль, ты указал мне дорогу, чтобы я мог возвестить истину перед слугой и господином. Я говорил по мере сил моих и таланта, которые ты вложил в меня; теперь дело за тобой, ты должен завершить свою работу.

Ты знаешь, стремлюсь ли я к своей пользе или к твоей славе, о, Бог свободы! Ах, пусть я увижу в густой тьме, наконец, народ просвещенный; пусть благородные учителя просвещают его и безкорыстные сердца ведут его.

Сократи, если возможно, время нашего испытания; уничтожь высокомерие и алчность, сокруши идолопоклонство перед славой, которое держит нас в унижении; покажи малым сим, что в лоне свободы нет более места героям и великим людям.

Всели в душу сильного и богатого, в душу того, чье имя мои уста никогда не произнесут перед тобой, ужас перед его хищничеством; пусть он первый потребует, чтобы ему дали возможность загладить все, пусть скорое раскаяние будет ему единственным оправданием и прощением.

Тогда большие и малые, ученые и темные, богатые и бедные — все соединятся в неразрывном братстве; все вместе, при звуках нового гимна, воздвигнут алтарь тебе, Бог свободы и равенства!

П. Ж. Прудон

КОГДА ВОЙНА...

Кровь везде! Кровью залиты поля!
Красное небо, на нем облака
Тянутся ярко-багряной каймой...
Кровью налился и ум мой больной!
Кровь!.. Вот потеха, везде только кровь!
Сгиньте надежды, мечты и любовь!
Видите — грудь от тоски разрывается,
Стонет от боли смертельной земля,
Люди все красные — в крови купаются
Режут друг друга... Ха-ха! Тра-ля-ля!..
Кто там заплакал? К чему сожаленье?
Кровь все залила... Крови океан!..
Кинься в него без тоски, без сомнения...
Гибнуть так гибнуть!.. Гибель мирам
Небо багряное грозно вещает,
Ужас смертельный глаза застилает...
Плачьте, кричите! Спасения нет!
Вам не спастись от заслуженных бед!
Тонут в крови, задыхаются, мечутся;
Жизнь остановлена, — всюду хаос...
Это последняя мысль человечества...
Это кровавый психоз!

Анатоль Консе

ЧИТАЙТЕ и РАСПРОСТРАНЯЙТЕ "ДЕЛО ТРУДА-ПРОБУЖДЕНИЕ"!

ТРАДИЦИИ И НОВЫЕ ИСКАНИЯ В АНАРХИЗМЕ

(Отрывок из статьи, написанной в конце 20-х годов)

Нам нечего скрывать, что в традиционном анархизме до сего времени царствует убеждение об осуществимости анархизма в любое время: хоть завтра (в точном смысле этого слова), лишь бы народ имел возможность сговориться и свободно обсудить свои дела и нужды. По мнению большинства современных анархистов, "народ" по своему внутреннему складу и убеждениям — прирожденный анархист. Они полагают, что единственным препятствием к осуществлению народом анархии служит правительство и что он при первом же революционном всплеске, освободившись от опеки власти, стихийно начнет созидать анархический строй. За последние десятки лет по лицу земли прокатилась не одна революция и все же нигде не обнаружилось действительно широких попыток народа начать построение анархического общества. Мало того. В истории общественного развития наблюдалось много примеров массовых анархических движений. Некоторые из них приводили к относительно длительному периоду практического строительства анархического общежития. И все же все эти движения были задушены, разгромлены. Чтобы не быть голословным, напомню вкратце хотя бы два наиболее ярких эпизода из истории социальной борьбы.

В конце XIV-го столетия по Богемии развилось мощное социально-религиозное движение, послужившее предтечей таборитсткого восстания. Табориты боролись за возврат церкви на путь древнего христианства и за осуществление на земле полного социального равенства и социальной свободы. Их идеология была целиком пропитана принципами коммунистического анархизма. Начало восстанию было положено 30-го июля 1419 года разгромом ратуши в Нейштадте и избиением городской знати, после чего восставшие укрепились в Таборе. Участниками движения были крестьяне, ремесленники, подмастерья и прочий "темный" люд. С 1419 года Табор стал представлять собой безгосударственную ячейку в государстве. Табориты решительно порвали с полуфеодальным, полубуржуазным миром и начали строить свою жизнь на анархо-коммунистических началах. О первых двух годах жизни Табора М. Бээр пишет: "Табор... являлся средоточием всех еретических, социальных и коммунистических стремлений Европы. Табор жил в состоянии восторженного воодушевления первых времен христианства, подобно древней иерусалимской общине. Дух братства наполнял всех, кто с чистым сердцем приходил туда. Все сословные и имущественные различия исчезли; там не знали слов: твое, мое, от которых произошло все зло на земле. Жизнь таборитов отличалась глубокой набожностью и радостным состоянием души, она заполнялась трудом на благо общины, народными собраниями и празднествами под открытым небом." Социальное значение таборитов было так велико, что католическая церковь в 1420 году объявила крестовый поход и в 1421 году на них была двинута армия в 150 тысяч человек, состоящая из добровольцев и наемников. Однако, она оказалась не в силах справиться с таборитами и последние, перейдя в 1427 году в наступление, очистили от императорских и папских войск не только Богемию, но и Баварию, Саксонию, Силезию, Бранденбург и другие княжества. Успех таборитов заставил светскую и духовную власть сделать ряд уступок наиболее правой части населения, поддержавшей таборитское движение. Удовлетворенная обещаниями папы и короля, эта часть населения почила на лаврах, а анархическое меньшинство в числе 18.000 бойцов вступило в сражение с правительственной армией. Решающим было сражение около Липара 30 мая 1434 года, в результате которого у таборитов погибло 13.000 человек, а остальные были разгромлены позднее. Так закончилась эпопея, вытекшая из первой реальной попытки построить анархическое общество, — эпопея, длившаяся 15 лет.

Примерно такова же более кратковременная история и анабаптистского движения. Анабаптизм по своему существу был таким же социально-религиозным движе-

нием, как и таборитизм, только сильнее и ярче. В основе анабаптистской религиозной программы, как подчеркивает А. К. Дживилегов, лежал "индивидуализм, доведенный до последних пределов: всякому разрешалось верить, не считаясь ни с чем, не считаясь даже, как того требовал Лютер, с евангелием, следуя только своему внутреннему откровению." В политике Мюнцер и его товарищи были анархисты. В государстве они видели грубую, несправедливую угнетающую силу, которая требует все и не дает ничего. Поэтому они отказывались повиноваться властям, не шли на военную службу, не признавали судов, отвергали присягу." Своей задачей они ставили разрушение государства, уничтожение частной собственности и организацию нового общества, построенного на всеобщем равенстве, свободе и коммунизме. Оставляя в стороне первые шаги анабаптизма, нужно коснуться его заключительного аккорда. В 1524 году столица Тюрингии — Мюльгаузен, управлявшаяся выборным советом, перешла на сторону приверженцев Томаса Мюнцера, которые изгнали из города наиболее видных представителей старой власти и установили общность имуществ. Вскоре против них выступила соединенная армия светских властей. Мюнцер обратился к окрестным крестьянам и рудокопам с призывом о помощи Мюльгаузену. Призыв нашел отклик, но помощь стягивалась слишком медленно. 15-го мая 1525 года в день сражения Мюльгаузенцев с войсками феодалов у Франкенгаузена в распоряжении Мюнцера было около 8.000 человек, плохо обученных и слабо-вооруженных, а войско феодалов было больше по численности (свыше 10.000 человек) лучше вооружено и хорошо обучено. В результате армия Мюнцера была разбита, а через десять дней княжеские войска без особого труда взяли и Мюльгаузен. "Мюнцер, — сообщает Э. Баумгартнер, — из тюрьмы обвинял крестьян в том, что они заботились только о личной пользе; и он был прав: многие тысячи крестьян стояли лагерем в Тюрингии и не пошевельнули пальцем, чтобы, сплотившись вместе, отразить врага. Шварцбургцы и клеттенбергцы, 14 мая накануне битвы при Франкенгаузене, предпочли пировать на мызе Фариксмюле, а не идти на помощь своим братьям. Точно также не пришел на помощь Томасу Мюнцеру отряд верхне-франковцев, находившийся в непосредственной близи, потому, что было гораздо приятнее грабить замки в прелестной долине Майна и вдоволь напиваться вином."

Эти две странички из истории анархических движений на ряду с историей революций последних лет должны показать, что осуществление анархизма — не такое простое дело, как это представлялось идеологам традиционного анархизма. Мимо неудачи подобных попыток направить общественное развитие в сторону анархизма — нельзя пройти. Наши противники на основании этих неудач будут с пеной у рта доказывать практическую непригодность и неосуществимость анархизма. Приверженцы традиционного анархизма объяснят неудачи коварством государства и власти, что по существу ничего не объясняет.

Мы же из этого делаем другой вывод. Присущее (по мнению традиционного анархизма) "народу" анархическое мироощущение, если у него и есть, то есть в таких дозах, которые не толкают его на стихийное строительство анархизма. По существу носителем анархических идей и их сторонником является не весь "народ," а отдельные его группы. Если бы было иначе, против Табора нельзя было бы выставить полуторастотысячной армии, в которой несомненно большая часть была заполнена этим "народом," а не рыцарями. Представление традиционного анархизма, что народ — всегда анархист по природе и своему положению должно быть отнесено к числу утопий, которыми этот анархизм еще очень богат. Правда, эта утопия весьма обольстительна. Но в своей обольстительности она и весьма вредна. Будучи признаваема за непреложную истину она толкала, толкает и будет толкать анархизм по неверному пути, на неизбежные ошибки. Анархизм может обойтись и без подобной красивой предпосылки, являющейся отрыжкой русского народничества. Отрицание этой утопической мысли — наш первый вывод из проделанного анализа.

Из этого же анализа следует, что осуществление анархического строя нуждается в наличии определенных предпосылок. Сознание этого момента совершенно от-

сутствовало у традиционного анархизма и нередко вело анархическое движение по неверным тропам, которые заводили его в тупик, а не выводили на широкую дорогу. Анархическое движение в различных формах — в виде религиозно-социальных и просто социальных движений — имеет за своими плечами более чем двухтысячелетний опыт. Участники одних движений отгораживались от "нечестивого" современного им мира китайской стеной и уходили из него в свои монастыри, скиты, коммуны и другие организации, специально созданные для осуществления анархического "царства божия" на земле. Но после некоторого (в одних случаях длительного, в других кратковременного) существования эти организации распадались или теряли свой внутренний анархический облик. Сторонники революционного анархизма за последнее тысячелетие не раз пытались силой свергнуть гнет власти, разрушить государство и ввести мир в анархическое общество (Франц Дольнино, Ганс Дударь, Табориты, Томас Мюнцер, Феодосий Косой и другие), но поднимавшиеся ими восстания разбивались на голову. Надо быть слепым, чтобы эти поражения анархизма приписать случайности. Для всякого имеющего смелость смотреть правде в глаза, это — не случайность, а несомненное проявление определенной исторической закономерности. Их неудачу можно объяснить лишь отсутствием в условиях того времени необходимых для этого предпосылок.

Анархизм не только экономическая, но и социальная — даже по преимуществу социальная проблема. И потому для его осуществления необходимо значительно большее количество предпосылок и предпосылок, к тому же, более высокого порядка, чем для реализации всякого другого движения, в том числе и социализма.

Экономическое иго — всегда чувствуется сильнее, чем социальный гнет, по крайней мере, оно более резко ощущается большей массой трудового населения. Гнет феодала, помещика и предпринимателя понимается, в первую очередь с экономической стороны, так как трудящийся принужден отдавать угнетателю часть своего труда, и лишь позднее и то не всеми, воспринимается, как гнет социальный. Но и в этом случае многие не видят связи между ним и государственными формами общежития. Поэтому-то движения низов, имеющие в своей основе экономические требования, чаще увенчиваются успехом, чем движения социального характера. Экономические движения, в случае их успеха, нередко приводят к изменению социальной структуры и социального лика государства, но не к уничтожению государства, как такового, во всем его целом. Государство, являясь при всяких условиях органом насилия над эксплоатируемыми классами, закрепило свое существование такими позициями, что эксплоатируемое и насилуемое им население сплошь и рядом не видит наложенных на него государством цепей и считает государство своим защитником и необходимым органом общественной жизни, без которого не возможно никакое спокойное существование, никакой прогресс. Вот простейший пример. Два рабочих поссорились и один из них сильно обидел другого. Обиженный жалуется в суд на обидчика, обращается за помощью к государству. Суд разбирает дело и наказывает обидчика. Обиженный получил удовлетворение, но этим самым он доказал общественную "полезность" государства, оправдал его существование, поддержал государственные формы общежития. У обиженного и мысли не возникнет, что в таком деле, как ссора с товарищем по положеию, он мог бы аппелировать за защитой своих интересов не к государству, а ко всему товарищескому коллективу или его части. Решение товарищеского коллектива может иметь только моральное значение. Коллектив может воздействовать на обидчика так, чтобы тот извинился перед обиженным. Товарищеское разбирательство и извинение, принесенное обидчиком, кладет конец раздору; тогда как решение суда, связанное с материальным наказанием обидчика, только сильнее озлобляет последнего и кладет начало многим новым конфликтам, требующим нового спорадического вмешательства государства, благодаря чему у обиженного создается полная иллюзия необходимости существования государства. Все это говорит о том, что для осознания отдельной личностью и эксплоатируемым классом в целом

социальной вредности государственных форм общежития и отказа от помощи государства необходима какая-то определенная общественная эволюция; что, словом, осуществление анархического идеала нуждается в наличии определенных предпосылок. В противном случае социальные и экономические движения будут в своем большинстве приводить к уничтожению не государства вообще, а данной конкретной его формы.

Логика имеет свои законы. И потому безосновательный оптимизм традиционного анархизма обуславливал собой примитивизм тактики с присущим ей упрощенным максимализмом. В самом деле. Если народ по природе своей анархичен и если анархический строй может быть осуществлен в любое время, лишь бы этому не мешали власть и государство, то отсюда вполне законен вывод, что основной задачей анархического движения в каждый данный момент является возбуждение революции.

В соответствии с этим традиционный анархизм считает, что в условиях современного строя абсолютно невозможно творчество жизни на анархических началах, что всякая такая попытка обречена на фатальную неудачу. Этому, по мнению традиционного анархизма, будет препятствовать государство, а если оно и окажется не в состоянии задушить подобное начинание, то последнее в конце концов приведет к угашению революционного духа масс и извращению анархических идеалов. Для традиционного анархизма вообще характерна боязнь, что попытки пронизать современную жизнь принципами анархизма смогут нарушить чистоту анархических идеалов. Отсюда отвращение теперешних анархистов от творческого деформирования современного строя в соответствии с принципами анархизма. Некоторые из анархистов в отрицании современных форм общественной жизни доходят до геркулесовых столбов. Так, например, уже в послереволюционные годы в России объявился некий "теоретик" нового направления в анархизме, полагающий, что с анархическими принципами несовместимо какое бы то ни было участие анархистов в общественной и производственной деятельности капиталистического общества. С точки зрения этого "неонигилиста" анархист не должен быть даже рабочим у капиталиста, так как, работая на капиталистическом предприятии, рабочий создает прибавочную стоимость, присваиваемую капиталистом, и тем самым поддерживает капиталистический строй. В этом утверждении отрицание творческого участия анархистов в жизни доведено до своего логического конца и полнейшего абсурда. С точки зрения этого "неонигилиста" анархист, чтобы не укреплять капитализм, должен или подыхать с голоду, или итти на мелкую экспроприацию в личных целях, или же в каждую данную минуту всеми силами и способами разрушать капиталистическое общество. Много ли найдется таких лиц, которые примкнут к такому абсурдному учению, являющемуся сплошным отрицанием жизни, и какова социальная цена такому движению? Ответ на этот вопрос напрашивается сам собой.

Отвергая целесообразность творческого положительного воздействия на современный строй, традиционный анархизм свое внимание концентрирует почти исключительно на проблеме разрушения. Вся его тактика сводится по существу к двум моментам: пропаганде анархических идеалов и подготовке, вернее, побуждению трудовых масс к восстанию. К этому нередко присовокуплялось совершение террористических актов. Совокупность этих тактических приемов ярче всего, пожалуй, сказалась в России и отчасти Франции конца прошлого столетия. Традиционный анархизм очень долгое время отрицал какое-либо значение за такими организациями, как профессиональные союзы, синдикаты и кооперативы, которые при некоторых условиях могут дать очень много возможностей для пронизывания современности анархическим духом. Только в начале XX-го века анархисты обратили внимание на профессиональное движение, но и тогда они подошли к нему не как к движению, могущему иметь положительное творческое значение для анархизма, а как к движению, могущему стать опорой для возбуждения и проповедения всеобщей стачки. Не уменьшая роли всеобщей стачки и значения профессиональных организаций для ее осуществления, нужно все же констатировать, что такая оценка синди-

кального движения весьма однобока и не отвечает истинным интересам анархизма. Точно также многие анархисты подходят и к проблеме кооперации. Для них кооператив — в известной мере лишь дойная корова для финансирования анархического движения. Такая задача, несомненно, весьма почетна и почтенна. Но можно ли создать при такой предпосылке достаточно мощное кооперативное движение, опирающееся на широкие массы и проникнутое анархическим идеалом? Конечно, нет. В самом лучшем случае дело ограничится созданием нескольких десятков таких кооперативных организаций во всем мире. Все это, вместе взятое, свидетельствует о необычайном примитивизме тактики, которая, — будучи направлена почти исключительно на разрушение современного строя, а не на одновременное анархическое созидание в его условиях, — характеризуется в то же время столь же резким упрощенным максимализмом.

События последних лет показали, что и то, и другое вредит интересам анархического движения, суживает ту базу, на которую движение могло бы опереться, и подрывает его силу. Тактика, преследующая исключительно или почти исключительно цели разрушения современного строя без одновременного создания в его пределах предпосылок для осуществления лучшего строя, делает задачи анархизма непонятными для широкой массы трудящихся, ибо последние не видят связи между анархизмом и их непосредственными текущими интересами. А упрощенный тактический максималимз при этих условиях только отпугивает широкую массу от анархического движения, так как она инстинктивно не верит в возможность достижения свободного общества такими путями. Социал-демократия потому и получала значительное количество приверженцев и сильную поддержку населения, что она сумела найти сферу (пусть, весьма ошибочную с нашей точки зрения) сочетания своей деятельности в парламенте с интересами сегодняшнего дня, с текущими нуждами трудового населения.

Отказ от примитивизма и упрощенного максимализма тактики, присущей традиционному анархизму, должен стать нашей очередной задачей. Некоторые увидят в этом, быть может, склонность к оппортунизму, приспособленчество к современному строю и отказ от революционных методов действия. Но мы зовем не к оппортунистическому сползанию, а к творчеству анархической общественности, пронизыванию анархическими началами нашей настоящей жизни. Эта цель должна быть поставлена во главу угла всей нашей дальнейшей работы. Это необходимо — по двум пречинам.

Общественная эволюция не терпит пустоты, не терпит игнорирования текущих интересов. Каждый день, каждый час вносит в общественную жизнь во всех ее разветвлениях и проявлениях новые потребности, требует их удовлетворения и ставит перед людьми новые задачи. Разрешение этих задач в большинстве случаев совершается бессознательно, по старинке, по тому методу, каким подобные задачи разрешались и до этого, применительно к существующему традиционному жизненному укладу. Но возможно и иное разрешение этих задач, разрешение на основе тех сознательных целей, которые ставит перед собой та или иная часть человечества. Если анархисты отказываются от разрешения новых жизненных проблем, от анархического творчества в каждый момент, то эта работа будет проделана за них другими — капиталистами, социалистами и проч., которые тем самым направят общественную эволюцию в желательную им сторону. Отказ анархистов от постоянного творчества анархизма только укрепляет позиции их противников, поскольку воздействие последних на жизнь закрепляет и утверждает методы общественного строительства, противные анархизму. Другое дело, если анархическое движение поставит перед собой цель каждодневного и непрерывного творчества жизни в соответствии с идеалом анархизма. В этом случае победителем на жизненном поприще окажется тот, кто лучше поймет запросы современности и сорганизует вокруг осуществления этих запросов крепко спаянный коллектив. Это — во-первых.

Допустим, во-вторых, что, руководствуясь принципами традиционного анархизма, нам удалось бы разрушить современный строй. Значит ли это, что вслед за этим разрушением удастся претворить

в реальность анархический строй? Далеко нет. Только завзятый оптимист, несчитающийся с реальными фактами, в состоянии доказывать осуществимость подобного прыжка из царства жестокого принуждения в царство полной свободы. Как и во времена февральской революции 1917 года, большинство людей может объединиться на ненависти к существующему строю и разрушить его. Но вряд ли они без предварительных предпосылок, заложенных в предшествующем общественном развитии, смогут подойти к построению анархического общества. Многовековое существование человечества в условиях государственности и привычка к этой форме общественного устройства будут инстинктовно и неизбежно толкать восставший народ к созданию нового общественного строя на государственных началах. В результате разрушительная работа анархистов приведет к установлению нового общественного уклада, но уклада, организованного все же на принципе государственности. Для избежения этого необходимо уже в недрах современного общества создавать предпосылки для осуществления анархизма, создать известный минимум анархической общественности, пронизать общественные отношения духом анархизма. Как будет обстоять дело на другой день после революции, даже в том случае, если она будет подготовлена одной разрушительной деятельностью анархистов? Анархизм отрицает уже на другой день после революции существование принудительных общественных институтов. И поэтому анархисты не могут, подобно другим революционным течениям, создавать анархическое общество, принудительно внедряя его в жизнь населения. Государственники — социалисты, захватив власть, могут, при известных условиях, осуществить социализм, применяя для его построения силу государства. Мы эту силу отвергаем, разбиваем и отказываемся пользоваться ею. Но для того, чтобы стихийное развитие революции не возродило ее, нужно уже в первый день социального переворота иметь организации, построенные на анархических началах и могущие заменить собой государство, как организующую силу, такие организации, социальная полезность которых была бы признана трудовыми классами. А такое признание возможно лишь, как результат предварительного долголетнего общения населения с ними. Необходимо, чтобы даже неанархическое население в момент социальной революции признало социальную значимость организаций, служащих основой анархического строя, добровольно признало за ними право на обслуживание и регулирование общественных надобностей и восприняло их в своем жизненном обиходе, не ощущая потребности в восстановлении государственных форм общежития. В предреволюционный период задача этих организаций должна заключаться в том, чтобы они стали школой анархического воспитания и творчества анархических форм жизни, суживая сферу государственного воздействия на жизнь и сферу капиталистических отношений. Только совместная комбинация подобного творческого воздействия на жизнь с одновременной работой по разрушению современного строя может обеспечить конечную победу анархизма в ближайшие времена.

И. Хархардин

МОЕ ВДОХНОВЕНИЕ

В своих стихах я вдохновлялся всеми,
А в песнях я лелеял цель одну:
Бесчисленные человечьи семьи
Соединить в единую семью.
И в честный мир для всех открыть дорогу,
Чтоб каждый мог свой труд земной любя,
Отринув страх и рабскую тревогу,
Создать свой мир и в нем раскрыть себя;
Чтоб каждый мог в содружестве, в артели
Явить свой труд без власти и оков;
Чтоб вольный дух царил в свободном теле,
Под дружный стук машин и молотков.
В своих стихах я вдохновлялся всеми,
А в песнях я лелеял цель всегда:
Бесчисленные человечьи семьи
Соединить под знаменем труда.

Анатоль Консе

Будущее восстание коммун не будет уже простым коммунистическим движением. Народ опередил тех, которые думают, что надо учредить Коммуну и потом в ней производить экономические реформы. Он знает, что только коренным социальным переворотом и уничтожением частной собственности будущие коммуны обеспечат себе независимость. П. КРОПОТКИН

РОЖДЕНИЕ ХРИСТА

(Историческая справка)

Весь христианский мир празднует день 25 декабря, как день рождения Христа. Это самый торжественный из христианских праздников, — праздник "мира и благоволения," отметивший новую эру в судьбе многострадального человечества.

По учению Евангелия, Иисус Христос — есть сын Божий, посланный к нам с небес Отцом Богом, для того, чтобы спасти род человеческий от первородного греха, унаследованного человечеством от наших прародителей, первых людей Адама и Евы.

Адам и Ева, живя в райском саду Эдема, не подозревали о коварстве дьявола, свободно разгуливавшего с ними в виде змия. Змий соблазнил Еву, а та в свою очередь соблазнила Адама и оба они совершили одно из величайших преступлений, — вкусили яблоко от росшего в раю "Древа Познания Добра и Зла."

Так свершилось первое грехопадение человека. Бог разгневался на Адама и Еву, жестоко наказал не только их, совершивших преступление, но и весь последующий человеческий род вплоть до наших дней.

Бог, изгоняя первых людей из Рая, проклял сотворенную им землю, заставил Адама в поте лица добывать свой хлеб, а Еву — в болезнях рождать своих детей. С тех пор по воле Божьей грех наших прародителей передается по наследству человечеству из поколения в поколение.

И нет на земле человека рожденного без греха!

В Раю было также второе дерево, носившее название "Древо Жизни." Оно обладало магической силой, которая передавалась вкусившему плод этого дерева. Отведай Адам плод этого дерева, он стал бы равным Богу, столь же всемогущим и всезнающим, как сам Бог. Боясь обратного возвращения Адама в рай, Бог поставил у врат Рая херувима с пламенным мечем для охраны пути к "Дереву Жизни."

Не вкуси Адам и Ева яблока от "древа познания добра и зла," не откройся им глаза на существовавшее уже тогда добро и зло, — человечество до сих пор благоденствовало бы в раю и наслаждалось бы всеми прелестями ангельской жизни.

Мы видим, как на всем протяжении Библийской истории, происходит неустанная борьба между Богом и народом. Люди не раз нарушали заповеди Бога, ослушивались его, избирали свои пути жизни и всю жизнь свою превращали в сплошной грех. Бог не прощал человечеству нарушения созданных им законов, не раз обрушивался на человечество и жестоко с ним расправлялся. Одно время он послал на землю дождь, ливший "сорок дней и сорок ночей," превратившийся во "Всемирный Потоп," в котором погибли не только грешники, но и невинные дети, женщины, птицы, дикие и домашние животные, словом все "живущее на земле," кроме Ноя, его семьи и избранных им животных...

В последствии Бог признал свой поступок чрезмерно строгим и жестоким наказанием для своего народа, покаялся и дал клятву больше не наказывать людей Всемирным Потопом, и в знак сдержания своей клятвы — послал на землю радугу.

Поколение Ноя, также не оправдало возлагаемые Богом на него надежды. Люди продолжали грешить, грехопадения совершались одно за другим. Библейского Бога стали забывать, начали создавать новых богов по своему личному усмотрению, поклоняться и приносить жертвы этим новым богам. Избранный Богом Израильский народ много раз расторгал свой союз с Богом, изменял ему, строил своих золотых тельцов и поклонялся им.

Израильский народ часто пользовался всевозможными привилегиями и Божеской милостью, особенно в борьбе со своими внешными врагами. Но это не мешало Израилю время от времени изменять своему Богу, призывать к себе на помощь языческих богов, приносить им жертвы и поклоняться их силе и могуществу...

В течении многих веков Бог посылал в Израиль своих пророков, которые всячески увещевали народ остановить свои грехи и обратиться лицом к Богу. Когда пророки не возымели должного воздействия на Израильский народ, тогда Бог решил принести в жертву своего единородного сына Иисуса и послать его на землю с проповедью пока-

яния, скорого воскресения мертвых и скорого наступления Божьяго суда над праведниками и грешниками...

Как это ни странно, но до сих пор мы не знаем не только точного дня и месяца рождения Христа, но даже не знаем точного года его рождения. Биографические сведения о рождении Христа весьма ограничены. Единственные сведения, которые более или менее должны были бы быть точны и отвечать исторической истине, это Евангелие. К сожалению, Евангельские сведения грешат противоречиями и погрешностями против истории. Согласно Евангельскому повествованию от Луки, Христос был рожден от "Духа Святого," о чем Мария была извещена архангелом Гавриилом. Евангелист Матфей говорит, что Гавриил явился не Марии, а Иосифу, который, узнав о беременности Марии, решил тайно вернуть ее обратно в дом родителей. Архангел Гавриил успокоил его сказавши: "не бойся принять Марию, жену твою; ибо родившееся в Ней есть от Духа Святого. Родит же Сына, и наречешь ему имя: Иисус; ибо Он спасет людей Своих от грехов их" (Матф. 1:20, 21). Два других Евангелиста, Марк и Иоанн ничего не говорят о зачатии Марии.

Согласно Библейским преданиям, Христос должен был родиться из рода (колена) Давидова. В оправдание Библейского сказания Матфей приводит родословную Иосифа от царя Давида, насчитывая 27 предков (колен). Евангелист Лука, насчитывает 41-го предка. По Матфею дед Иисуса — Иаков. По Евангелию от Луки, дед Иисуса — Илий.

Евангелисты Марк и Иоанн о родословной Христа ничего не говорят.

Библейские сказания о том, что Спаситель должен родиться от потомков Давида и утверждение архангела Гавриила, что Дева Мария непорочна и зачала от "Духа Святого," вызывают немало смущения у теологов христианства.

Если зачатие Марии было от Иосифа, тогда, — "да сбудется Библейское сказание," — Иисус происходил из дома царя Давида и родословная его, хотя и противоречивая и сбивчивая, для нас понятна.

Если же непорочное или вернее говоря "бессеменное зачатие" Иисуса произошло от "Духа Святого," как об этом известил архангел Гавриил, то, разумеется, что его зачатие не имеет никакого отношения к Иосифу и к его предку царю Давиду, и библейское повествование о происхождении Спасителя от колена Давида остается неоправданным.

Вообще, следует сказать, что вопрос о "бессеменном зачатии" Иисуса, как и "непорочное зачатие" Девы Марии, вызывает среди теологов Христианского мира много толков и споров.

Конец спорам о "непорочном зачатии" Девы Марии был положен в декабре 1854 года, когда Папа Римский провозгласил догмат о непорочном зачатии. Этот догмат для католика стал священным долгом, все несогласные с ним, предаются проклятию и исключению из церкви.

Не безинтересно отметить, что Л. Н. Толстой в 1901 году был Синодом исключен из лона православной церкви за "ниспровержение всех догматов православной церкви и самой сущности веры христианской: отвергает личного живаго Бога, во святой церкви славимого, Создателя и Промыслителя вселенной, отрицает Господа Иисуса Христа-Богочеловека, Искупителя и Спасителя мира..., отрицает бессеменное зачатие по человечеству Христа Господа и девство до рождества и по рождестве Пречистой Богородицы Приснодевы Марии, не признает загробной жизни..., отвергает все таинства церкви и благодатное в них действие Святого Духа и, ругаясь над самыми священными предметами веры православного народа, не содрогнулся подвергнуть глумлению величайшее из таинств, святую Евхаристию..."

Что же еще говорят нам Евангелисты о рождении Христа?

Евангелист Матфей повествует, что Христос родился при царе Ироде. Это явно противоречит истории, ибо Ирод умер за четыре года до новой эры, т.е. до рождения Христа.

Евангелист Лука, относит год рождения Христа, ко времени народной переписи, которая, согласно истории, состоялась в шестом году н.э. при Сирийском наместнике Квиринии...

Матфей говорит, что почтить родителей Иисуса и поклониться новорожденному пришли Волфы — восточные волшебники,

которым путь в Вифлеем указан звездой.

У Луки речь идет не о Волфах, а о пастухах, нашедших младенца в яслях для овец. Это указывает на тот факт, что Иисус родился летом, когда Палестинские пастухи держали свой скот под открытым небом.

Матфей сообщает, что, спасаясь от Ирода, Мария и Христос бежали в Египет и там жили до смерти Ирода. Лука ничего не говорит о преследовании со стороны Ирода. Напротив: "по прошествию 8 дней, когда надлежало обрезать Младенца, дали Ему имя Иисус... А когда исполнились дни очищения... принесли Его в Иерусалим, чтобы представить пред Госопода" (Лук. 2:21, 22).

Где родился Христос? Евангельские указания по этому вопросу так же противоречивы, как и противоречиво указание дня и года его рождения. По библейским сказаниям, Спаситель придет из рода Давидова, и посему Христос должен родиться в Вифлееме, городе Давида, что христианской церковью и признается.

Однако, многие ученые богословы утверждают, что Христос не мог родиться в Вифлееме, куда якобы его родители приходили для переписи населения, устанавливающей их имущественное положение. Здравый смысл говорит, что не было никакого реального смысла наместнику Квитерию требовать от родителей Иисуса, как и вообще от всех иудеев, покидать Назарет, где был их дом и какое то имущество и идти в Вифлеем, из которого их предки ушли тысячу лет назад.

К тому же все четыре Евангелиста неоднократно родиной Христа называют город Назарет.

Христос родился, жил и проповедывал в еврейской среде, на арамейском (еврейском) языке того времени. Никаких записей своих проповедей в письменном виде им не было оставлено. Все, что мы знаем о жизни и деятельности Христа, дошло до нас путем преданий, к которым народная молва присоединила немало легенд. Ни один из Евангельских манускриптов в оригинале не сохранился и до нас не дошел. Проповедническая жизнь Христа была весьма кратковременна. Евангелист Лука определяет активную жизнь Христа всего в полтора года. Евангелист Иоанн полагает, что проповедывал Христос три с половиной года.

Несмотря на то, что первые ученики и апостолы Христа были людьми еврейского происхождения, проповедь христианства большого успеха не имела среди евреев. Апостолам пришлось обратить свое внимание на язычников. Среди последних с особым успехом подвизался апостол Павел, сам, по собственному признанию, никогда в жизни с Христом не встречавшийся. Язычники сравнительно легко принимали христианство, но с трудом отказывались от исполнения своих языческих обрядов и установившихся праздников.

Одним из главных праздников Римлян того времени был праздник рождения Митры, бога-солнца. Он приходился на зимнее солнцестояние. Когда ночь начинала уменьшаться, а день увеличиваться, т.е. приблизительно 25 декабря, в это время, по языческому толкованию, рождался бог-солнца. Праздник Митры у язычников, принявших христианство, еще долгое время оставался самым большим и торжественным праздником...

Христианское учение, обращенное к обездоленным и угнетенным, обещавшее воскресение из мертвых и воцарение царства Божия, совпадало с чаяниями римских рабов, чем и об'ясняется наиболее успешное восприятие христианства римлянами в первых веках.

Небезынтересно отметить, что день 25 декабря являлся праздником почти у всех народов. Так, у греков, сирийцев, египтян, индусов и других боги — Адонис, Аполлон, Митра — все они рождались от дев и день их рождения был приурочен к 25-му декабря, так как это был первый день выхода солнца из зимняго солнцестояния. Очевидно, что христианской церкви, пожелавшей закрепиться у язычников, пришлось пойти с ними на соглашение и установить день рождения Христа на 25 декабря.

Римская церковь в 354 году утвердила оффициально день 25 декабря днем рождения Христа. До этого времени у христиан был один тройной праздник: Богоявление, Крещение и Рождение, который справлялся 6 января. Армянские христиане и по сие время справляют день рождения

Христа 6 января совместно с днем Крещения и Богоявления.

Самое имя Христос, — слово греческое и в переводе на еврейский язык означает Назорей, т.е. помазанный, посвященный, увенчанный первосвященным венцом. Христами в Библейские времена вообще назывались люди, посвященные в тайны тогдашних наук, принявшие обряд помазания священным маслом. Это имя давалось, как титул, указывающий на род занятий данного лица. Первым Назореем, т.е. Христом, по Библии, был Самсон. По слову ангела, посланного Богом, Самсон был зачат от женщины неплодной — "и будет он от самого чрева младенец сей назорей Божий, и он начнет спасать Израиля от рук Филистимских." Был он судьею Израилю 20 лет и погиб под обломками дома вместе с пировавшими Филистимлянами, будучи предан своей женой Далилой.

А. И. Чернов

АНАРХИЗМ И ЕВАНГЕЛИЕ

Христос стоит одиноко у истока нашей эры... Христос был первым и последним известным нам истинным христианином, ибо Его апостолы совершенно не понимали Его и вместе с Павлом, вместе с целой серией "отцов" только искажали Его учение, подлизываясь к римским властям, а затем ведя свирепую борьбу за власть...

Оффициальное христианство совершенно исказило высокое учение Христа и объявило ересью всякое понимание этого учения иначе, чем принятое церковными чиновниками на их собраниях, где эти "отцы вселенских соборов" принимали свои постановления, повинуясь кнутам императора или сводя личные счеты боровшихся за доходы епископов... Оффициальное историческое христианство представляет из себя смесь религии древнего Ягве, религии бога солнца — Митры и невероятно искаженного учения Христа... Первые, исказившие это учение, были Павел и апостолы, совершенно не понимавшие величия того учения, которое им предлагалось. Те же, которые утверждают, что между учением Христа и учением апостолов и Павла, заключенным в "Деяниях" и "Посланиях," нет никаких противоречий, те — или наивные простаки, или наглые обманщики, или никогда сами не читали так называемого Нового Завета, никогда сами над ним не задумывались...

Однако, нетрудно доказать, что учение Христа и учение апостолов и Павла — две взаимно исключающие вещи и что, в частности, учение Христа, поскольку оно касается социальных вопросов, есть учение чистейшаго анархизма, что и понимали многие так называемые сектанты в течение всего времени существования христианства. Для этого станем на точку зрения Евангелия и посмотрим, что говорит оно нам о власти. На первых же его страницах мы встречаемся с эпизодом искушения, когда дьявол, соблазняя Христа властью и царствами, говорит: "Тебе дам власть над всеми сими царствами и славу их, ибо она предана мне, и я, кому хочу, дам ее; итак, если Ты поклонишься мне, то все будет Твое. Иисус сказал ему в ответ: отойди от мена, сатана; написано: Господу Богу твоему поклоняйся, и Ему одному служи" (Лука, 4:6-8).

Сатана обращается к Христу с этим искушением, показывая Ему "все царства вселенной." Таким образом, над всеми царствами вселенной власть и слава принадлежит сатане — это говорит сам сатана, это так понимает и сам Христос, когда отказывается от них и мы можем считать это для нас твердо установленным: во всех царствах вселенной власть и слава от сатаны. И теперь для нас совершенно понятно, что когда проповедуют: "Всякая душа да будет покорна высшим властям, поэтому нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены. Посему противящийся власти противится Божию установлению" (Павел, к римлянам: Гл. 13, ст. 1-7), когда говорят так, как сейчас говорил Павел, то под словом "Бог" у Павла можно понимать, согласно Евангелию, только сатану и никого больше, потому что только ему принадлежит власть и слава над всеми царствами вселенной без исключения. Здесь не может быть никаких

сомнений: слова Евангелия ясны как день; слова Павла не менее ясны и сопоставление их неумолимо говорит: тот, кого Евангелие называет сатаной, является Богом для Павла.

И в дальнейшем обнаруживается чрезвычайно резкое расхождение между Евангелием и апостолами, в особенности с Павлом, но здесь я не буду останавливаться на этом подробно из-за недостатка места. (В моей работе, специально по этому поводу написанной, этот вопрос я разбираю подробно и когда русские условия позволят, — она будет, конечно, напечатана). Здесь мы разберем еще ряд сильных и чисто анархических мест, имеющихся в Евангелиях.

Так, спорящим о первенстве сыновьям Заведеевым, Христос говорит: "...почитающиеся князьями народов господствуют над ними, и вельможи их властвуют ими. Но между вами да не будет так: а кто хочет быть большим между вами, да будет всем слугою и кто хочет быть первым между вами, да будет всем рабом" (Марка, гл. 10, ст. 42-44). Все Евангелие пронизано насквозь протестом против богатства и власти — власть от сатаны, богатство — маммона... О царе Ироде Христос отзывается: "Пойдите скажите этой лисице..." Это Он так говорит о власти, согласно Павлу, "от Бога установленной," ибо Он прекрасно знает, что это за Бог, который устанавливает власти и государства, создает богатым их капиталы, производит все те мерзости, которые всегда благословляли оффициальные церкви, эти служительницы Павлова бога. Еще резче, еще определеннее говорит Христос у Матфея (Гл. 23, ст. 8-11): "А вы не называйтесь учителями, ибо один у вас Учитель — Христос, все же вы братья; и отцем себе не называйте никого на земле, ибо один у вас Отец, Который на небесах; и не называйтесь наставниками, ибо один у вас Наставник — Христос. Больший из вас да будет вам слуга..." Вероятно ради специальной насмешки над учением Христа, те, которые считают себя Его представителями на земле, называют себя отцами и даже святыми отцами...

Христос отвергал суд: "Не судите, да не судимы будете..." (Матфей гл. 7 ст. 1) и говорил, что надо прощать своим врагам, обходиться без суда...

Принимая все это во внимание, приходится сказать со всей силой ясного, непредубежденного разума, что истинными учениками и апостолами Христа во всем, что касается социального устроения, являются Бакунин, Толстой и Кропоткин, являются анархисты, поскольку они "оставили мать и отца, жену и детей," идут в ряды страждущих братий," чтобы проповедывать там братство, любовь, свободу и взаимопомощь, будить протест против книжников и фарисеев, против насильников и эксплоататоров и здесь следуют тем заветам Христа, где Он говорит, что пришел принести на землю не мир, но меч, пришел разделить сына с отцом и дочь с матерью во имя любви и свободы, против тупости и лицемерия.

Христос, отвергая власть, суд, собственность, является первым по силе и красоте анархистом, наиболее радикальным и последовательным, а что касается "христианства," то прочтите у Достоевского в "Братьях Карамазовых" — "Легенду о Великом Инквизиторе" и вам станет ясно относительно оффициального христианства, как нам стало ясно относительно учения Христа, что Он был бы в нашей борьбе с нами, но не против нас.

А. Солонович

АКРОСТИХ

Реже ряды анархизма...
Умер большой человек!
Дело любви, коммунизма
Он завещал нам на-век.
Люди! Поймете ли это?..
Формы он нам рисовал.
Радость свободы и света
Он нам всегда предвещал.
Кончилась жизнь великана...
Если бы можно вернуть, —
Радость взорвала б мне грудь.

А. Черняков

***

Вдали от безумного горя,
За чертою страданий и слез —
Разливается вольное море,
Блещет жизнь под гирляндами роз.

Дж. Лабади

ЧИТАЙТЕ И РАСПРОСТРАНЯЙТЕ
"ДЕЛО ТРУДА-ПРОБУЖДЕНИЕ"

АНАРХИЧЕСКАЯ ПРЕССА

(Соединенные Штаты и Европа)

До недавнего времени в Стокгольме выходила ежедневная синдикалистическая газета "Рабочий." Теперь она выходит один раз в неделю. Не все шведские синдикалисты соглашались с направлением "Рабочего," шедшего от революционного синдикализма к мирной демократии и помещавшего на своих страницах коммерческие объявления. Часть недовольных в 1957 году начала издавать свой орган "Солидарность," выходящий и до ныне (один раз в месяц) в Осло. "Солидарность" печатается на трех языках: шведском, норвежском и датском. Оба органа — "Рабочий" и "Солидарность" — уделяют больше всего внимания вопросам, связанным с производством и индустриализацией. Чисто анархическим органом в скандинавских странах до сих пор считается "Бранд." Эта газета была основана в 1898 году и является одной из старейших анархических газет во всем мире. На страницах "Бранд" проблемы анархизма освещаются весьма всесторонне. До 1936 года "Бранд" выходил еженедельно; теперь он выходит один раз в два месяца (в форме журнала).

В Германии, как и в скандинавских странах, в настоящее время нет чисто анархического еженедельного печатного органа, но там есть два журнала, освещающие принципы анархизма с точки зрения индивидуализма. Оба журнала выходят ежемесячно: один в Гамбурге, другой — в Берлине. Гамбургский журнал, носящий невинное название — "Информация," много внимания уделяет трудам Спенсера.

В Голландии все еще продолжает выходить (раз в две недели) газета, основанная когда то Ф. Домела Ньювенгаусом. Называется эта газета "Справедливость для всех." На ее страницах много внимания уделяется правовым вопросам, а также антимилитаризму. В Бельгии время от времени появляется в свет журнал — "Мысль и Дело," освещающий вопросы анархизма не только с точки зрения теории, но и с точки зрения практики.

Из латинских стран Франция до сих пор стоит впереди по количеству печатных анархических органов. На место долголетнего анархического журнала "Либертер," попавшего в начале 50-х годов в руки своеобразных троцкистов (анархисты, признавшие государство и централизацию), появился в 1954 г. "Новый Либертер," выходящий ежемесячно и касающийся разных вопросов, но всегда освещающий их с точки зрения анархизма. Несогласные с занятой "Новым Либертер" позиций французские анархисты издают другой журнал, носящий название — "Черное и Красное" — и занимающийся преимущественно вопросами революционного характера. Антимилитаристическое движение (анархическое) представлено двумя органами, один из которых отдает преимущество разрешению всех вопросов легальным путем (законодательством), а другой предпочитает тактику прямого действия. "В защиту Человека," — ежемесячный журнал анархической ориентации, но на его страницах иногда разбираются и другие вопросы. Несколько страниц этого журнала предоставлены престарелому анархисту Е. Арманду, возглавляющему индивидуалистическое течение во французском анархическом движении. До недавнего времени Арманд издавал свой журнал, но в последнее время ему приходится довольствоваться страницами "В защиту Человека." Молодежь (анархисты) издает два журнала: один в Париже а другой в Бордо. Оба журнала носят одно и то же название — "Анархическая Молодежь." Анархо-синдикалисты имеют свой журнал — "Революционный Синдикалист."

Франция издавна являлась местом убежища для политических эмигрантов. Таковою она остается до сих пор. Там много разных политических эмигрантов, среди которых анархисты занимают далеко не последнее место. Как правило, политические эмигранты не могут жить без своих печатных органов. Впереди всех стоят испанцы, бежавшие от преследований Франко. Они издают две еженедельные газеты. Одна считается органом Национальной Конфедерации Труда (в Испании), а другая — органом испанских анархистов, живущих в Париже. Обе газеты имеют литературные приложения. Кроме этих изданий, выходит иногда небольшая газета на каталонском наречии ("Свободная Земля"), предназначеная главным образом для крестьян-анархистов.

Болгарские анархисты издают свой журнал — "Наш Путь." Имеется и на еврейском языке печатный орган анархического направления.

В Швейцарии (в Женеве) до сих пор продолжает выходить журнал, основанный Л. Бертони, печатающийся на двух языках — французском и итальянском. Болгарские изгнанники, осевшие в Швейцарии, время от времени выпускают свой орган.

Италия по количеству анархических изданий, пожалуй, не уступает Франции. "Уманита Нова" — один из старейших анархических печатных органов в Европе. Газета находится всецело под контролем Итальянской Анархической Федерации. Федерация имеет и другие свои печатные органы: "Либертарио" в Милане и "Семя Анархии" в Турине. Последний орган больше всего внимания уделяет зарождению анархизма. Недавно начала выходить анархическая газета и на далеком юге Италии — в Палермо. К сожалению, газета эта часто подвергается репрессиям со стороны местных властей. Самым значительным печатным анархическим органом на итальянском языке, однако, считается журнал "Волонта," выходящий в Неаполе. На страницах этого журнала часто появляются длинные статьи лучших современных теоретиков Анархизма.

В Соединенных Штатах, как и во Франции, анархическая пресса — разноязычная. Одним из лучших современных анархических печатных ор-

ганов на английском языке следует признать журнал "Резистанс," к сожалению, в последнее время не выходящий. Интересной также была небольшая газета "Индивидуальное Действие," издававшаяся анархистами - индивидуалистами, пытавшимися продолжать славные традиции Тукера. К сожалению, газета эта тоже прекратила свое существование. В последнее время делаются попытки придать анархическому движению в США организационный характер и иметь печатный орган, который находился бы под контролем организаций, а не отдельных лиц, как это было ло сих пор. Таким органом должен стать "Вью энд Комменс," выходящий до сих пор переодически. Синдикалисты, которых в США принято называть индустриалистами, имеют свой печатный орган "Индостриал Воркер." У религиозных анархистов (католиков) есть своя небольшая газета "Католик Воркер." Есть в США несколько журналов не чисто анархических, но близких к анархизму. Наиболее известным из них считается журнал "Либерейшен." Уместно здесь также отметить, что в Дулут, Мин. выходит ежедневная газета, по своему направлению родственная анархистам. Издают эту газету финны. (Конечно газета на финском языке и издается.)

Из анархических изданий, печатающихся не на английском языке, а на языке тех стран, из которых издатели этих органов приехали, до сих пор уцелело четыре органа: "Дело Труда-Пробуждение" — на русском языке, "Фрай Арбейтер Штимме" — на еврейском, "Культура" — на испанском и "Адуната" — на итальянском. Последний орган считается самым значительным и самым интересным из всех эмигрантских органов.

В Англии количество анархических печатных органов невелико, но один из них — газета "Фридом" — считается самым распространенным анархическим органом в настоящее время. Газета была организована еще Кропоткиным в 1886 году и по справедливости может считаться старейшей анархической газетой. На ее страницах больше всего комментируется злоба дня, но иногда печатаются и теоретические статьи. При содействии "Фридом" недавно начал выходить периодический журнал, уделяющий больше всего внимания учащейся молодежи.

***

Вышеприведенные строки — выдержки из доклада, недавно прочитанного в Лондоне. В задачи докладчика не входили страны Южной Америки, Африки и Азии, где тоже есть анархические печатные органы.

Социальная Коммуна организуется путем свободной группировки, которая разрушит стены и уничтожит границы. Возникнут миллионы коммун, но не территориальных, а готовых протянуть друг другу руки через реки, горные хребты, океаны и объединить в одну единую и однородную семью "равных" всех индивидуумов, рассеянных по различным концам земного шара.

П. КРОПОТКИН

Письмо из Германии

Дорогие товарищи! Спасибо за журнал. Хочется поговорить о его содержании. "Ненужное и вредное" — истина, не требующая доказательств. Можно лишь добавить, что и в выборах никакой воли народа нет и не было. Выберут-ли Тюху или Митюху, а Колупай с братом останутся на своих прежних местах и будут выполять чьи-то приказы.

Вопрос об идеологии — сложен. Добровольная нищета — не решение проблемы. Есть люди, для которых ходить в лохмотьях — удовольствие. Ну, пусть и ходят. Лохмотья, однако, человека не возвышают, точно также как чистый костюм не унижает и не портит. Портит человека окружающая среда, действующая на наши нервы. Под влиянием извне человек превращается в граммофона, играющего кем-то заведенную мелодию. Мне, как врачу-психиатру, это хорошо известно.

Самообеспечение нельзя считать предосудительным, но участие в прибылях, извлечение прибавочной стоимости, коммерческие махинации, проценты на капитал и т. п. дела — не для анархиста. Новому классу из социалистов, ставших теперь обыкновенными капиталистами, это еще к лицу, но не анархистам. Если бы анархист-коммерсант (новая кличка — во времена Бакунина такой не было) отпускал некоторую толику из своих доходов на идейные дела, было бы еще не так плохо. Но мне кажется, что этого не может быть, ибо чем богаче делается человек, тем скупее он становится.

Не плохо, конечно, если человек имеет домик, садик и огородик и сам все это обрабатывает. Но плохо если разбогатевший человек для поддержания своего хозяйства нанимает прислугу и начинает ее эксплоатировать. Я здесь наблюдаю таких людей. Были они когда-то социалистами и даже коммунистами, потом разбогатели и теперь ничем не отличаются от обыкновенного буржуа.

Смягчающих вину обстоятельств нет. Есть лишь перерождение психики. Был социалист или же анархист и выдохся! Бакунин и Кропоткин от барской жизни отошли, а вот эти тянутся к барской жизни. Уже не встреча зари новой жизни прельщает их, а встреча утренней зари где-нибудь в ресторане.

На чьей стороне? У анархиста должна быть своя сторона и свой путь. Он должен идти своей дорогой к своей цели. Воевать в армии Тюхи или Митюхи — не дело анархиста. Есть преимущества на Западе, есть они и на Востоке, но ни те, ни другие анархисту ничего не дадут. Этими преимуществами — как правило — пользуются только привилегированные. Униженным же и обиженным преимущества эти в большинстве случаев недоступны, хотя униженные и обиженные по своей наивности иногда и тянутся к ним.

Нет, для меня ни та, ни другая сторона не может быть землей обетованной. Я уже на склоне лет... Ночь темна, но все же впереди мерещатся те огоньки, о которых писал В. Г. Короленко. В молодости даже и не представлялось, что на своем

веку придется увидеть столько безумия и разной социальной чертовщины.

А вот пришлось...

Желаю вам всего наилучшего.

А. Г.

Письмо из Детройта

Уваж. товарищи! Посылаем вам 60 долларов, из которых 16 долларов — выручка за проданные номера журнала, а остальные — пожертвования. Жертвовали следующие товарищи: М. Волынский 20 дол., И. Черный и С. Д. по 10 дол., К. К. 2 дол., С. Т. и К. С. по 1 доллару.

В прошлом номере "ДТ-П" мы сообщили печальную новость — потерю преданного работника на ниве безвластия — Иосифа Панасевича, в этом номере, к сожалению, приходится тоже сообщить такую же печальную новость — вечную разлуку с еще более преданным работником в освободительном движении — Терентием Демьяновичем Шумовичем, умершим 26 ноября с. г. Некролог, посвященный т. Шумовичу, будет напечатан в следующем номере "ДТ-П," сейчас же мы лишь отметим, что в наших поредевших рядах едва-ли найдется человек, который смог бы занять место Шумовича. Последние годы своей жизни т. Шумович всецело посвятил преуспению и распространению "ДТ-П." Он продавал журнал везде, где только можно было продавать; сам щедро жертвовал и других призывал жертвовать.

Соратники по общему делу и члены организаций, к которым покойный принадлежал — Профсоюз, Кооперативное Общество, 72-й отдел РООВА, и РАГК — с глубокой скорбью склоняют знамена у свежей могилы и тихо произносят: Спи спокойно, дорогой наш друг и товарищ!

Профсоюз

ОТЧЕТ КОМИТЕТА ПО СБОРУ СРЕДСТВ ДЛЯ К. Ф. ГОРДИЕНКО

ПРИХОД: По 1 дол. жертвовали следующие лица: К. Янович, К. Эйманс, И. Минченко (два раза), Н. Кочергин (три раза) и А. Минченко. По 2 дол.: Н. Шакали и В. Марченко. По 3 дол.: П. Бирюков. По 5 дол.: Н. Демидович, С. и Ф. Мансветовы, М. Неизвестный, С. Ермаков, Е. Мацегуд, Н. Гин, М. Новаш, К. Талан, Ф. Коваленко и А. Ходневич. По 10 дол.: А. Шалов, В. Радуха, И. Стесюк и Р. Домин. По 25 дол.: С. Медынич. 25-й отдел РООВА — 27 долларов. С. Павловым и его женой собрано по подписным листам — на пикнике и на банкете — 61 доллар. Итого за три месяца существования комитета поступило — 218 долларов.

РАСХОД: Выслано К. Ф. Гордеенко (двуми чеками) 45 долларов. Посмертное объявление в "Н. Р. Сл." 15 долларов. Телеграммы и телефон 15 долларов 90 сентов. За 30 номеров "Н. Р. Сл." 2 д. 10 с. Выдано С. Павлову на проезд во Флориду на похороны Гордеенко 140 долларов. Итого расхода — 218 долларов.

Казначей Комитета **И. Сивко**

ПРИМЕЧАНИЕ: Заявление С. Павлова о том, что ни он, ни его жена никакой ответственной должности в комитете не занимали (напечатано в прошлом номере "ДТ-П") — не соответствует действительности. Из отчета видно, что Павлов и его жена принимали весьма деятельное участие в комитете. Кроме того, в печати ("НРС") несколько раз оповещалось, что Павлов и его жена — председатель и секретарь комитета, и Павлов тогда против этого не возражал.

И. Сивко

Помощь журналу

Чикаго. 28 сентября 1939 года, скончалась моя любимая жена, Марфа Ковалева. Вместо венка жертвую 10 д. на помощь журналу "ДТП."

С братским приветом ко всем сотрудникам и читателям.

Ю. Ковалев

Детроит: Сивко — 10 д. **Арлингтон, Масс.:** Статик — 5 д. **Хайфильд, Мд.:** Кунавич — 6 д. **Виннипег:** Довгалюк — 1 д. **Хемстед:** Ра-ха — 10 д. **Поланд, Охайо:** С. Медынич — 8 д., Семенос — 5 д., Шумко — 2 д.

Каталог Книг

П. А. КРОПОТКИН: Хлеб и Воля $1.50
— — Взаимная Помощь 1.00
— — Этика (в переплете) 1.25
— — (без переплета) 1.00
— — Речи бунтовщика 1.00
— — Современная наука и анархия 1.50
— — Великая Французская Революция 2.50
— — Анархия, ее философия и ее идеал .... .15
Интернациональный Сборник — П. А. Кропоткин и его учение 1.00
ТОМАС ПЭЙН: Век Разума. Критика Библии 1.00
НОВОМИРСКИЙ: Что такое Анархизм .... .50
РАЕВСКИЙ: Анархо-Синдикализм .... .25
НЕСТОР МАХНО: Русская Революция на Украине 1.00
МАКС НЕТТЛАУ: Очерки по Истории Анархических идей (в переплете) 3.00
— — (без переплета) 2.00
А. А. КАРЕЛИН: Вольная жизнь 1.00
Е. З. ДОЛИНИН (Моравский): В вихре революции (в мягкой обложке) 3.00

Все заказы просим направлять по адресу "ДТП."

DIELO TROUDA-PROBUZHDENIE
P. O. Box 54, Cooper Station
New York 3, N. Y.

"...Надо понять, что все продукты, сбережения и орудия производства являются плодом солидарного труда всего народа и принадлежать одному собственнику — всему человечеству..."

П. КРОПОТКИН